

Узакшыны дзетектыў

Г•А•Л•И•Н•А

КУЛИКОВА

Женские штучки,
или Мир наизнанку

Изящный детектив от Галины Куликовой

Галина Куликова

**Женские штучки,
или Мир наизнанку**

«ЭКСМО»

2014

Куликова Г. М.

Женские штучки, или Мир наизнанку / Г. М. Куликова —
«Эксмо», 2014 — (Изысканный детектив от Галины Куликовой)

ISBN 978-5-699-69191-3

Может ли новая секретарша повлиять на работу детективного агентства и вывести опытных сыщиков на след преступника? Разумеется, может! Особенно если она хороша собой, сообразительна и пользуется таким нетривиальным методом расследования, как женская интуиция. Шеф агентства «Партнер» полагал, что Лиза Левашова внесет смуту в их тесный мужской коллектив, однако именно он первым оценил ее детективный талант.

Кажется, он даже готов влюбиться в Лизу! Но пока что ее сердце начинает биться чаще лишь тогда, когда она выходит на след убийцы, коварство которого ставит в тупик и следователей, и частных детективов.

ISBN 978-5-699-69191-3

© Куликова Г. М., 2014

© Эксмо, 2014

Галина Куликова

Женские штучки, или Мир наизнанку

– Она очень ответственная, умная и неординарная, – уверял Дима Скороходов, еле поспе-
вая за шефом, размашисто шагавшим по тротуару.

– Ты ведь знаешь, – Ратников был раздражен и всячески это подчеркивал, – я хотел взять
на освободившееся место какого-нибудь сообразительного парнишку.

– Лиза невероятно сообразительная, – мгновенно нашелся Дима.

– Но она не парнишка...

– Сдался тебе парнишка? Ну, Валер, ну я тебя прошу...

У Димы Скороходова было открытое лицо и глаза, которые не постеснялся бы назвать
зеркалом своей души самый благородный человек на свете. Легкая взъерошенность добавляла
его облику капельку бесшабашности.

– Чего ты ноешь? – Ратников сморщился и, остановившись, наставил на Диму указатель-
ный палец. – Ладно, я возьму ее. Но она готова к трудностям?

– Готова-готова, – подобострастно начал Дима, однако тут же переменял тон: – А к каким
трудностям?

– Ты же понимаешь, это не просто место секретаря. Твоя Лиза будет в курсе всех дел,
которые мы ведем, она должна ориентироваться в обстановке, знать, кто из сотрудников где
находится, уметь грамотно поговорить с любым клиентом, который вдруг позвонит в мое
отсутствие, и так далее.

– Она справится, – махнул рукой Дима.

– Ты в ней что, лично заинтересован? Это... м-м-м... твоя девушка?

– Нет, – с сожалением сказал Дима. – Мы давние-предавние друзья. Хотя когда-то я к
ней клеился.

– Ладно, где твоя Лиза?

– Ждет в офисе. Ты поговоришь с ней?

– Поговорю. Впрочем, чего особо разговаривать? Познакомимся, и пусть приступает к
работе. Кстати, через час у нас встреча с клиентом.

– Новым?

– Да. Ты его и возьмешь. Вернее, ее. Это женщина.

– Истеричка?

– Пока что я разговаривал с ней только по телефону.

– Она не рыдала? Не грызла трубку от отчаяния? Чего она хочет?

– Дима, отвали, я обсуждаю дела с потенциальными клиентами только тет-а-тет, ты же
знаешь.

Они подошли к массивной железной двери с глазком и переговорным устройством, слева
от которого висела аккуратная маленькая табличка с надписью: «Детективное агентство “Парт-
нер”».

Дима позвонил, и дверь почти мгновенно распахнулась. На пороге появился Коля
Михеев, низенький парень с круглыми розовыми щеками. Комплексы пожрали всю отпущен-
ную ему Господом жизнерадостность, и он вечно ходил насупленный и говорил через губу.

– Привет, – буркнул он, застегивая куртку. – Я ухожу. Работаю по делу об угоне.

– Ладно, отчитался, – кивнул Ратников. – А на месте кто есть?

– Никого. Только девушка Лиза. Я сварил для нее кофе.

– Ну и как она? – понизив голос, спросил Ратников. – Симпатичная?

– Ты же выбираешь помощницу, а не жену, – пробормотал Дима, который отчаянно вол-
новался за свою протее.

– Мы нашли общий язык, – туманно ответил Михеев и удалился.

Ратников не любил работать с женщинами. Весь его тридцатилетний опыт подсказывал: где женщина – там раздор, непонимание и лишние эмоции. «По крайней мере, – думал он теперь, – это всего лишь одна женщина. Одна женщина в мужском коллективе может оказаться даже полезной».

Ратников отчего-то представлял себе Лизу жеманным существом с длинными волосами модного красноватого цвета, для которой хороший макияж равняется чувству собственного достоинства. И был поражен, когда навстречу ему поднялась высокая худенькая брюнетка с короткой стрижкой и слегка заостренным лицом. Лицо не было красивым, но дивные серые глаза разили насмерть – они глядели прямо и внимательно, и незаурядный мужчина мог прочесть в них и ум, и иронию, и чуточку кокетства.

Ратников оглянулся на Диму, недоумевая, отчего всегда недооценивал его вкус, потом подал девушке руку, убрав из жеста все царственное. Она вложила в его пальцы крепкую ладошку, которую ее новый шеф легонько потряс.

– Ратников. Очень приятно. Для вас – просто Валерий. Так удобнее. Мы ведь теперь будем видеться почти каждый день. – Он продемонстрировал изысканную узкую улыбку.

Лиза метнула короткий взгляд на Диму, как бы спрашивая: «Меня действительно уже приняли на работу?» И он кивнул: да, да. Он сразу понял, что босс доволен.

– Дима сам введет вас в курс дела, – продолжал тем временем Ратников, усаживаясь напротив. – Что касается меня, то здесь стоит сообщить лишь несколько пунктов. Я демократичен. – Лиза растянула губы. – С подчиненными мы хорошие друзья, все на «ты», помогаем друг другу и стараемся не ссориться.

Лиза сосредоточенно кивнула, быстро убрав улыбку. Дима предупредил ее, что Ратников боится несдержанных дамочек. Он не любит, когда они рыдают, смеются в голос и в разговоре переходят на визг. Лиза изо всех сил старалась выглядеть сдержанной. На встречу она надела темный брючный костюм и отказалась от духов, чтобы потенциальный работодатель не учуял в ней ни капли легкомыслия. В сущности, она знала за собой только один недостаток, знал его и Дима. Лиза зачастую принимала спонтанные решения, руководствуясь исключительно собственной интуицией. И потом не могла внятно объяснить, что ее подвигло на то или иное деяние.

Ратников поглядел на часы, и чары тут же рассеялись.

– У меня куча дел! А у вас клиентка! – воскликнул он, вскочив. Мелькнул раздвоенным хвостом плаща в дверях своего кабинета, махнул рукой где-то позади себя и скрылся.

– Димка, ты гений! – громким шепотом сказала Лиза. – Спасибо тебе. Если честно, я даже не ожидала, что меня так сразу возьмут.

Она наклонилась вперед, сложив руки на груди в приливе горячей благодарности.

– Я тоже не ожидал, – признался Дима. – Но Ратников мгновенно пал жертвой твоего обаяния. В тебе нет ничего пошлого, а он это ценит.

– Постараюсь тебя не подвести, – сказала Лиза. – А что, сейчас действительно придет клиентка? Где ты будешь с ней беседовать?

– Тут приемная и как бы твой кабинет, – пояснил Дима, хлопая рукой по заваленному всякой офисной ерундой столу. – Слева – кабинет шефа, справа – мой вместе с Михеевым и Сухаревым. С Сухаревым ты еще познакомишься. Честно говоря, все вместе мы редко собираемся. В этот общий кабинет мы клиентку и пригласим. Если хочешь, можешь присутствовать.

– Хочу, если ты не против. Это так интересно!

– Черта лысого это интересно. Ты даже представить себе не можешь, какая в большинстве случаев тебя подстерегает рутина. Составив план, ты методично, тупо добываешь инфор-

мацию. И лишь иногда от тебя требуется сообразилка, реакция или воображение. А клиенты какие бывают тяжелые – отпад.

В этот момент запищал зуммер. Дима взглянул на монитор и, увидев одинокую женскую фигуру, открыл дверь.

– Добрый день, – бодро сказал он. – Проходите, пожалуйста. – Он был предельно вежлив. – У вас назначено?

– Да, на одиннадцать.

На вид женщине можно было дать лет тридцать с небольшим. На ней был длинный светлый плащ с капюшоном. Под капюшоном обнаружили гладко причесанные светлые волосы, забранные в низкий пучок. Скривив лицо, словно ей не понравилось то, что она увидела, женщина резко спросила:

– Куда мне идти?

– Сюда, пожалуйста.

Лиза встала и открыла ту дверь, на которую ей раньше указал Дима. Пропустив клиентку в кабинет, она прошла вслед за ней. Дима замыкал шестивие. Они расселись в чистенькой маленькой комнатке, лишенной всякой индивидуальности. Дима сел на вертящийся стул возле стола. Лиза по правую руку от него, а женщина в кресло для гостей – высокое и не слишком мягкое, которое не проглатывает клиентов, заставляя их унижительно шарить ногами в поисках опоры.

«Наверное, это Ратников выбирал мебель», – подумала Лиза.

Ратников оказался ей умным и проницательным. Именно такие люди обычно внимательны к мелочам. Впрочем, в работе, которая связана с людьми, мелочей не бывает.

Дима между тем выхватил откуда-то блокнот и, покатав по нему карандаш, подал голос:

– Ваше задание буду выполнять я. Мое имя Дмитрий Скороходов. А это моя помощница – Лиза Левашова. Мы гарантируем полную конфиденциальность и сделаем по возможности все, чтобы вам помочь. Вы теперь изложите нам суть дела, хорошо? Расскажите все в общих чертах, а мы, если что, зададим вопросы.

– Не надо разговаривать со мной, как с малым ребенком. Я все поняла.

Лиза впервые видела клиента детективного агентства и рассматривала женщину с огромным интересом. Та, напротив, никакого интереса к Лизе не проявляла. К ее красивому лицу было идеально подогнано презрительное выражение. Лицо удостоверяло, что мир не очень-то хорош, а радоваться жизни могут только дураки и мямли. Несмотря на то, что женщина, совершенно очевидно, была чем-то озабочена, глаза ее оставались холодными. По мнению Лизы, выглядела она слишком надменной для человека, которому требуется помощь детектива.

Тем временем потенциальная клиентка, избрав Диму в качестве главного слушателя, начала беседу:

– Меня зовут Ольга Гладышева. Я занимаюсь художественными переводами с немецкого. Не замужем. Родители умерли, и я живу с сестрой. Сводной сестрой, – поправилась она. – Жанной.

Она излагала факты таким казенным тоном, словно отвечала на вопросы анкеты.

– Судя по всему, речь пойдет как раз о вашей сестре? – вмешался Дима, чтобы разбить монолог клиентки и дать ей возможность расслабиться.

Однако Ольга Гладышева расслабляться не пожелала и продолжала в том же телеграфном стиле:

– Вы верно догадались. Жанна очень способная девочка, в свои семнадцать лет она уже учится на первом курсе университета, на журфаке.

– Вы с ней ладите?

– Конечно! – без запинки выдала Ольга и очень энергично кивнула. – Да, мы ладим. У нас почти идеальные отношения. Не стану скрывать, она порой невоздержанна на язык, упряма.

Бывает, капризничает не по делу, но это все мелочи. Понимаете, до сих пор я относилась к ней, как к маленькой, поэтому не слишком обращала внимание на ее мировоззрение.

Ольга замолчала и, поджав губы, уставилась на свои руки, словно прикидывала, не пора ли ей делать маникюр. Руки у нее были безупречными, с красивыми округлыми ногтями. Сообразив, что клиентка раздумывает, как ответить, Дима тут же пришел ей на помощь:

– Жанна попала под дурное влияние? В какую-то секту? Или просто в плохую компанию?

– Господь с вами, в какую секту? Я имела в виду ее взгляды на взрослую жизнь. Я думала, она мечтает о карьере, о любимой работе.

– А она?

– А она вынашивает варварские планы раннего замужества.

– В каком смысле – варварские?

– Хочет выйти замуж за богатого мужчину, который будет потакать всем ее прихотям, заваливать подарками... А что такое в наше время богатый мужчина?

– Что? – с неподдельным интересом переспросил Дима.

– Это либо бандит какой-нибудь, либо пресытившийся жизнью старик, – очень убежденно заявила Ольга.

– Так-так, – пробормотал Дима, который пока не слишком хорошо понимал, при чем здесь частный сыск.

Ольга тоже сообразила, что пора уже переходить к делу, поэтому пояснила:

– Мне кажется, у нее кто-то появился.

Сказано это было довольно желчно. Злые люди точно так же не умеют долго держать себя в руках, как и страстные натуры. «Отлично ладите с сестрой? Почти идеальные отношения? Ну-ну», – скептически подумала Лиза.

– То есть Жанна уже начала осуществлять свой план? – снова подсказал Дима.

– Это она так думает. Ведь, согласитесь, вполне вероятно, ей попался кто-то совершенно неподходящий. Что, если это какой-нибудь мафиози... Или, что еще хуже – старый похотливый сатир, который сломает девочке судьбу, растопчет первые чувства, лишит девственности...

Дима уткнул глаза в блокнот и постучал карандашом по столу. А Лиза подумала: «Кто знает, что представляет собой девчонка на самом деле? Может, она уже давно лишилась девственности, и старые сатиры ходят за ней стройными рядами?» Она кашлянула и спросила:

– В доме появились какие-то дорогие вещи? Которые могут быть подарками от обеспеченного мужчины?

Ольга на секунду задумалась, хищно сверкнув глазами. Вероятно, проводила мысленную инвентаризацию квартиры.

– Дорогую вещь я бы заметила, – наконец выдала она. – Впрочем, семнадцатилетние дурочки могут польститься на всякую ерунду. Так что – кто знает?

– Что же натолкнуло вас на мысль, – поинтересовался Дима, – что Жанна встречается с кем-то... неподходящим?

– Во-первых, то, как в последнее время изменилось ее поведение. Она не из тех девиц, которые бегают по барам, толкаются на дискотеках, не пропускают ни одной вечеринки. Нет, она разумная и толковая девочка, я всегда старалась воспитывать ее... правильно. Даже поступив в университет, она продолжала вовремя возвращаться домой, свободное время, как правило, проводила в библиотеке или занималась с подругами. И вдруг...

Ольга вздернула подбородок, как будто заранее предупреждая собеседников о том, как неодобрительно она относится к этому «вдруг».

– Она стала исчезать по вечерам, домой возвращается к полуночи, и я ничего не могу с этим поделать. Она не хочет мне ничего говорить и только постоянно таинственно улыбается. Но главное, я нашла в ее комнате дневник... Порылась, уж извините за нескромный поступок. – Ольга сказала это с едким смешком, дав понять, что ничего нескромного на самом деле она

в этом не находит. – Сестра пишет там о своих свиданиях, и по всему выходит, человек, с которым она связалась, – немолод.

– Как его зовут?

– Не знаю. В дневнике Жанна называет его Он. Просто Он, и все. Понимаете, – с пафосом заявила клиентка, – я чувствую свою ответственность... Я не могу равнодушно наблюдать, как Жанна рискует. Вы ведь хорошо знаете, какие сейчас времена. Столько всяких придурков, преступников, маньяков... Короче говоря, я хочу выяснить, с кем встречается моя сестра. Чтобы вы это выяснили.

– В дневнике не было никаких указаний – где происходят свидания? В какое время?

– Нет, ничего такого. Хотя... У меня сложилось впечатление, что Он обычно встречается ее возле университета. Ждет, когда окончатся занятия.

– А до этого Жанна уже с кем-нибудь крутила романы? – спросила Лиза. – Я имею в виду, были ли у нее какие-нибудь приятели-сверстники?

– В десятом классе она встречалась с Женей Сушко из параллельного класса. Но в последнее время он что-то не особенно активно звонит. И не появляется... Наверное, она дала ему от ворот поворот.

– Или наоборот, – пробормотал Дима.

– Вряд ли. – Ольга шевельнула бровью, отвергая такую возможность. – Жанна очень красивая девочка. У нее много ухажеров среди ребят. Поэтому будет особенно обидно, если она растратит свою красоту бездарно и не станет счастливой.

Дима спросил про себя: «Вы-то сами счастливы в свои тридцать лет, красивая, незамужняя, нерастраченная?» Но, даже рискни он выговорить это вслух, Ольга не дрогнет. Она уже заняла позицию взрослого, взявшего на себя ответственность, и это мешает ей поглядеть на ситуацию с любой другой точки зрения.

– А вы не пытались поговорить с Жанной откровенно? – спросила Лиза.

Ольга ей не нравилась, но она изо всех сил пыталась быть объективной. Симпатии и антипатии хороши в компании, а не на работе.

– Нет, – резко ответила Ольга. – Мы не привыкли к откровенности такого рода. Я имею в виду – в личных делах. Эти задушевные разговоры за полночь только развращают молодежь. Когда мамы и бабушки выслушивают всю эту муть, все эти девичьи признания, они только потворствуют всякому... разврату.

«Господи, какая ханжа! – подумала Лиза. – Не удивлюсь, если Жанна давно уже научилась обводить ее вокруг пальца. Ловчить, хитрить и обманывать. Это не сестра, а просто тюремный надзиратель какой-то!»

Дима быстро посмотрел на Лизу, и она сразу же пожалела, что вообще задала подобный вопрос. В конце концов, тут не кабинет психоаналитика. Клиент дает им поручение. Они должны кивать и записывать все по пунктам.

Дима как раз этим и занялся. Он занес в блокнот все необходимые данные, взял у Ольги фотографию сестры, расспросил о ее распорядке дня и поднялся на ноги.

– Мы будем поддерживать с вами связь. Думаю, выяснение истины не займет много времени. Все зависит от того, когда они встретятся в очередной раз. Первое же свидание – и сведения у вас в кармане.

– Уж я надеюсь. – Ольга встала, застегнула плащ, кивнула Лизе, Диме и направилась к двери.

Было видно, что, несмотря на всплеск негативных эмоций, она довольна визитом и испытывает чувство удовлетворения. Что ж, она уже на пути к тому, чтобы исполнить свой долг – разыскать соблазнителя и... Интересно, что она будет делать потом, когда узнает, кто такой этот загадочный Он?

* * *

По дороге домой Лиза ликовала. У нее появилась работа! Настоящая, важная работа. Нормальная. Не такая, как прежде. Воспоминание о прошлом заставило ее на минуту нахмуриться. Когда она только закончила филфак, судьба столкнула ее с Андреем Фагориным – напористым, уверенным в себе, красивым... Он влюбился в нее и вложил в чувства столько же энергии, сколько вкладывал в любое свое предприятие. Лиза увлеклась, вышла замуж. Тогда ей казалось замечательным, что Андрей устроил ее к себе – он занимался оптикой, и у него была собственная торговая фирма. Пока муж проявлял бурную деловую активность, Лиза целый год заполняла накладные, запертая в маленьком душном кабинете. По вечерам она сидела дома одна, потому что деловая активность Андрея не заканчивалась в урочное время, и после заката он продолжал фонтанировать на каких-то тусовках. Завершилось все скучной банальностью – Лиза застучала своего благоверного с другой женщиной. Фагорин даже не оценил трагизма ситуации. На развод согласился с плохо скрываемой радостью – то ли он устал от Лизы, то ли она заслоняла ему какие-то неведомые горизонты.

Фагорин любил широкие жесты, любил, когда о нем отзывались с уважением, и, уходя, сделал Лизе королевский подарок – купил для нее однокомнатную квартиру, чтобы она не возвращалась к пьянице-отцу. Воспоминания о бывшем муже вызвали у Лизы приступ необъяснимой тоски. Любовь, конечно, умерла, но все же разрыв с Андреем прошел не так уж легко для ее сердца и самолюбия. Возможно, нужно заставить себя наконец снова влюбиться?

Лиза почему-то подумала о своем новом шефе и улыбнулась. Ратников был ох как не прост, но некоторые человеческие слабости продемонстрировал мгновенно. Лиза была рада, что, кроме нее, в коллективе больше нет представительниц слабого пола. С мужчинами проще – они легко покупаются на лесть и редко бывают по-настоящему злобными. Даже хмурого Колю Михеева ей удалось разговорить по полной программе.

На следующее утро Лиза непозволительно долго вертелась перед зеркалом, ярче, чем обычно, накрасила губы и, прилетев в офис, наткнулась на недружелюбного типа в очках с мощными линзами, который, оглядев ее с ног до головы, нахмурился и довольно холодно спросил:

– Вы что, без предварительной договоренности?

– Я не клиентка, – обиделась Лиза. – Со вчерашнего дня я тут работаю. Вам разве не сказали?

Вместо ответа тип неодобрительно фыркнул и повернулся к ней спиной.

– Значит, вы и есть Артем Сухарев? – спросила Лиза, мгновенно заражаясь неприязнью. – А я – Лиза Левашова.

– Я сейчас занят, Лиза Левашова, – пробурчал вредный Сухарев.

Даже не обернувшись, он прошествовал в общий кабинет, и за распахнувшейся на миг дверью Лиза заметила рыжеволосую заплаканную женщину, скрючившуюся в кресле.

«Не удивлюсь, если этому типу нравится смотреть, как другие мучаются. У него стопроцентно садистская внешность». В сущности, она имела в виду сдвинутые брови, очки в квадратной оправе и аккуратную гитлеровскую челку, зачесанную набок.

Несмотря на отсутствие начальства фронт работ Лиза определила для себя без труда – на столе и в ящиках был застарелый беспорядок. Она засучила рукава и принялась за дело. Однако через некоторое время перестала шелестеть бумагами и прислушалась. Артем и его посетительница о чем-то спорили, и Лиза прокралась поближе к двери.

– Я никогда, никогда не обзывала мужа скотиной! – с нажимом говорила посетительница. Ее голос был глубоким от сдерживаемых слез.

– Но на пленке все записано, и она не смонтирована, – возражал бестрепетный Сухарев. – Вы обзываете его скотиной, причем не один раз.

– Может быть, это я не его обзываю?

– А кого? Соседа по даче?

– Он подлец, а не сосед!

– Партнер вашего мужа? Подлец? С чего вы взяли?

– Подсунул пленку, когда я и так раздавлена гибелью мужа...

– Милиция подозревает, что вы его убили и теперь разыгрываете скорбь. В любом случае не стоит отрицать очевидное: вы поссорились со своим супругом накануне его гибели. Потом поехали неизвестно куда...

– Не известно куда. Я же вам рассказывала. Я поехала в город, но по дороге передумала. У меня было плохое настроение. Может быть, предчувствие? Остановилась на обочине, вышла побродить.

– Да-да, я помню. И человека, которого вы встретили, единственную вашу надежду, можно сказать, отыскать никак не получается, потому что вы не даете ни одной зацепки.

– Вы думаете, я специально это делаю? – Женщина перешла в другую октаву, и Лиза непроизвольно втянула голову в плечи, опасаясь, что сейчас последует взрыв.

Однако черствый Сухарев, по-видимому, даже не напрягся.

– Вы не хотите думать, Нина Николаевна. Вы просто упиваетесь своим горем. Ведь перед вами был живой человек, из плоти и крови. Вы проговорили с ним полчаса и ничего, ну ничегошеньки не можете о нем сообщить.

– Я не заводила с ним знакомства, если вы это имеете в виду, – ехидно ответила невидимая Нина Николаевна. – Это он распинался. Какая хорошая погода, как, мол, птички поют, как клевер пахнет. Я и так замучена допросами в милиции, а тут еще вы...

– Я пытаюсь вам помочь, – возразил Сухарев. Но это заявление прозвучало совершенно неубедительно.

Лиза усмехнулась и, вернувшись к столу, подперла щеку кулаком. Если не шевелиться, можно слышать абсолютно все, что говорится за дверью. Конечно, ей было любопытно, поэтому она затаилась, как мышка.

– На кого же все-таки вы сердились, Нина Николаевна? В день смерти мужа?

– Этот... сосед... партнер... не может доказать, что пленка записана в день смерти моего мужа. Возможно, он записал ее месяц, год назад!

– Возможно. Но сомнительно. И не забывайте – сосед здесь совершенно ни при чем. Это мальчик, его сын, поставил пленку на запись и забыл выключить диктофон. Однако, как бы то ни было, вы настаиваете, что никогда, я подчеркиваю, никогда не обзывали мужа скотиной. Ни месяц, ни год назад.

– Мы вообще не обзывали друг друга. У нас были... трепетные отношения. Не представляю, как это я обозвала бы его скотиной? Мы обожали друг друга. Спросите у кого хотите!

– А что, если на людях вы ворковали, как голубки, что и подтвердят многочисленные свидетели, а наедине друг с другом превращались в диких зверей? Такое тоже бывает в жизни... если вы не в курсе.

– К кому угодно это пусть и относится, но только не к нам, – мгновенно парировала невидимая клиентка.

– Вы кричали: «Я тебя, скотину, убью!» И так далее... Угрожали, Нина Николаевна. Что скажете? В вашем доме не на кого больше кричать. Ни одного живого существа...

– Господи! – взвизгнула женщина. – Ну, конечно! Это я на кота кричала. На кота! К нам кот повадился лазить, приходил и валялся в клумбе. А я только-только цветы посадила! Конечно! Вот кого я обзывала скотиной. Он и есть скотина, так что никаких оскорблений я никому не нанесла. Не так ли?

Зловредный Сухарев ее юмора оценить не пожелал.

– Ну, допустим, сосед ваш... гм... преувеличивает.

– Врет, проще говоря. Наговаривает на меня.

– Но алиби у вас все равно нет.

– Так вы найдите этого парня, с которым я разговаривала. Я за это вам и плачу, не забыли?

– Что вы, что вы, – пробормотал Сухарев. – Как я могу забыть. Но искать человека без имени, фамилии и места работы – дело тухлое. Это я вам ответственно заявляю, как человек, собаку на этом деле съевший.

– У него была светлая машина.

– Ах да. Вы сказали, кажется, иномарка. Не пойдет, Нина Николаевна. Вот если бы хоть кусочек номера...

Нина Николаевна громко и невесело рассмеялась. Стало понятно, что никаких кусочков номера она не разглядела. Сухарев тем временем предложил:

– Давайте попробуем еще раз вспомнить, что он вам говорил. Слово в слово, по порядку...

Зазвенел зуммер. Лиза посмотрела на экран монитора: на пороге стоял улыбающийся Дима Скороходов и подмигивал. Отворив дверь, Лиза отступила в сторону и приложила палец к губам:

– Т-с-с, у Сухарева клиентка.

– Рыжеволосая дамочка? Которой позарез необходимо алиби?

– А, так ты знаешь!

– Сухарев похудел на этом деле на три с половиной килограмма, – доверительно сообщил Дима. – Каких только ходов мы не придумывали, чтобы разыскать этого парня! Когда Неверова звонит, бедного Артема просто крЮчит.

– Я кое-что из их разговора слышала... Слышимость у вас... У нас... отличная! Неужели этот человек, ну, тот, которого вы ищете, не захотел продолжить знакомство с понравившейся ему женщиной? Не сунул визитку, не нацарапал своего телефона на каком-нибудь листочке из блокнота? По ее словам, они полчаса болтали, гуляя по обочине шоссе!

– Неверова дорожит своей репутацией. Случайные связи не по ней. У нее муж – большой человек. Был большим человеком, – поправился Дима. – Дачный поселок, где его убили, сплошь заселен министерскими работниками. Так что неверовский особнячок окружен особнячками его замов. Один из них уверяет, что в роковой день Нина Николаевна собачилась со своим мужем, а диктофончик, выставленный его мальцом на запись и забытый на столике возле ограды, крутил и крутил пленочку.

– Сегодня она вдруг догадалась, что кричала на кота, – выпалила Лиза. – Который валялся в ее клумбе и ломал цветы.

– На кота? Вот забавно.

– Эта женщина... она рассчитывает, что вы найдете парня, с которым она встретилась, прогуливаясь по лугу с ромашками?

– Так точно. Вот только сказать о нем может немного. Бедный Артем здорово влип. Дело оказалось уж больно сложным.

– Оно действительно выглядит безнадежно. Есть ли вообще какой-то выход?

– Сухарев ищет, – пожал плечами Дима. – В сущности, мы все пытаемся что-нибудь придумать.

– А если не придумаете?

– Ратников не позволяет сотрудникам делать такие допущения.

– Надо же.

– Потому мое текущее задание выглядит простеньким, как школьный диктант для профессора.

– Следить за девушкой Жанной? – уточнила Лиза.

– Ну... – Дима посмотрел на часы. – Я уже разузнал, занятия у нее сегодня заканчиваются в час.

– Ты на машине?

– Естественно. Дядя-соблазнитель – скорее всего парень обеспеченный и прикатит на чем-нибудь мощном и красивом. Как помчится с ветерком, только его и видели. Я давно говорю: сотрудникам такой конторы, как наша, нужны самые передовые средства передвижения.

– Расскажешь потом, как все прошло?

– А тебя, конечно, раздрает любопытство? Ничего, скоро тебе так опротивят простые человеческие слабости, что ты вообще перестанешь на них реагировать.

– А ты перестал?

Дима поднял вверх обе руки:

– Поймала, поймала. Не перестал. Черт его знает почему, но я всегда как-то напрягаюсь, когда клиенты вываливают на меня свои горести. И очень радуюсь, когда могу им помочь.

В этот момент распахнулась дверь, и в приемной возникла Нина Николаевна Неверова с лицом, подпорченным припухлостями и красными пятнами. На вид ей было не больше двадцати пяти, но, учитывая красоту и общую ухоженность, можно было смело накинуть еще лет пять. Значит, тридцатка. «Хотелось бы мне в тридцать выглядеть так, как она!» – вздохнула про себя Лиза. Бывают же женщины, у которых в фигуре ровно столько изгибов, сколько требуется для счастья – и ни одним изгибом больше. И ножки, которые провожают глазами даже бездомные собаки. Мужчинам трудно устоять перед такими.

Сухарев, вышедший из кабинета вслед за Неверовой, вручил ей целую кипу газет и проводил до самого порога.

– Зачем бедняжке домашнее чтение? – спросила Лиза.

– Это издания, в которых мы поместили частные объявления, – пояснил Дима. – Молодая рыжеволосая женщина просит откликнуться мужчину, который тогда-то и тогда-то остановился на светлой машине там-то и там-то, разговаривал с рыжеволосой женщиной... ну и прочее.

– Никто пока не откликнулся?

– Да десятка два параноиков. Если рыжеволосая женщина согласна, они не против встретиться и развлечь ее по полной программе... Ну, ты понимаешь.

– Господи, – сокрушенно покачала головой Лиза. – В самом деле, разволнуешься за эту самую Жанну. Как ее – Гладышеву?

* * *

Припарковаться неподалеку от журфака днем – дело, требующее сноровки и сообразительности. Диме удалось найти небольшую щель между густо стоящими автомобилями на Большой Никитской улице, и он втиснул туда нос своей «манюни», оставив ее лакированный зад торчать на проезжей части. Пока он крутился рядом, ему возмущенно сигналили, но как только отошел, водители стали покорно объезжать нелепо припаркованную машину. Бодро дошагав до изгороди, окружающей здание факультета, Дима нырнул в калитку и замедлил шаг. Здесь легко можно было крутиться сколько душе угодно и не вызвать ничьих подозрений. Он остановился неподалеку от входа и щелчком выбил из пачки сигарету.

Бросить курить! Как может бросить курить человек, которому приходится вести слежку? Это было самооправдание, и Дима сладко затаился, достав из кармана фотографию Жанны Гладышевой. Утром он звонил Ольге, уточнил, во что сегодня одета ее сестра. Оказалось, в красную куртку. «Вызывающий цвет, – заметила та. – Ей просто необходимо, чтобы на нее

обращали внимание. И еще у нее сегодня кудельки на голове. Ну, знаете, такие... как у пуделя. На самом деле у девчонки прекрасные волосы. Всю жизнь я пытаюсь заставить ее ходить с приличной прической, но без толку. Она упрямая, как маленькая ослица!»

Дима приехал на место с приличным запасом времени. Во-первых, последнюю пару могли отменить. Во-вторых, Жанна могла просто прогулять ее, если бы Он вдруг оказался нетерпеливым. В-третьих, Дима хотел, что называется, слиться с пейзажем. Вдруг ему еще до появления Жанны удастся углядеть человека, привалившегося к дереву или, как и он сам, медленно тянущего сигарету? Или, что тоже вероятно, этот самый Он здесь работает и вполне может сидеть в одном из автомобилей, имеющих право въезжать на охраняемую территорию. Опыт ведения подобного рода дел у Димы был порядочный. Поэтому он спокойно покуривал. Человек, который ведет себя спокойно, меньше всего привлекает к себе внимание. Внутренне, однако, он был собран и сосредоточен.

В положенное время с грохотом распахнулись двери, и на улицу вырвалась первая порция студентов. Пространство сразу же наполнилось гомоном, смехом и даже выкриками. Зашелкали зажигалки, над группками замедливших ход молодых людей поднялись в воздух шапочки сигаретного дыма. Дима поискал глазами красную куртку... и тут вдруг увидел *Его*.

Он появился из-за здания факультета и, засунув руки в карманы, медленно двинулся в сторону памятника Михаилу Ломоносову. Дима как-то сразу понял, что перед ним тот самый мужчина, инкогнито которого так хотела раскрыть Ольга Гладышева. «Не такой уж он и старый, – подумал сыщик. – Мы почти ровесники. Правда, я, черт побери, уже давно не соблазнял первокурсниц».

Мужчина выглядел лет на сорок. Чуть выше среднего роста, нормального телосложения. Одет в вельветовые брюки цвета кофе с молоком и короткую замшевую куртку. Из-под нее выглядывала белая водолазка. Дима вытянул шею, чтобы разглядеть ботинки. Они оказались дорогими, с узкими носами. Совершенно не вязалась с этим нарядом каскетка с круглым козырьком. Сама по себе каскетка была весьма симпатичной, однако из-за нее сложно было разглядеть, какие у незнакомца волосы. И еще на нем были темные очки. Этот тип явно не желал светиться. «Самая противная деталь гардероба – темные очки, – с отвращением подумал Дима. – Их любят носить все – и бандиты, и пижоны, и самые обычные люди. А мы тут сиди в недоумении».

Едва Дима впитал в себя все подробности, как увидел Жанну Гладышеву. И едва не присвистнул. Этой девице не нужна была красная куртка, чтобы обратить на себя внимание. Стройная, длинноногая, на высоченных каблуках, юбочка в обтяжку, она неторопливо направилась к мужчине в каскетке походкой женщины, знающей себе цену. Кажется, сотворив Жанну Гладышеву, сам Господь Бог растерялся и не посмел испортить ее внешность хоть каким-нибудь дефектом. Соблазнительные губки, носик кверху и шальные глаза, которые могут вывернуть наизнанку мир даже самого примерного семьянина. В них откровенно читались бравада, наглость и это особенное женское «да плевать мне на все на свете», на которое противоположный пол клюет, как плотва на мормышку. «Безбашенная, – понял Дима. – Бесшашенная оторва, притягивающая к себе неприятности. М-да. Если женщина – “штучка”, даже десять домашних тиранов не смогут подавить ее природные инстинкты». Вероятно, Ольга Гладышева почувствовала, что сводная сестра вот-вот вытворит нечто такое, что пошатнет ее собственные устои, подмочит репутацию. Люди станут говорить, как плохо она воспитала Жанну. А для нее это непереносимо. Гораздо более непереносимо, чем довериться частным детективам...

Когда мужчина в каскетке поцеловал Жанну в губы, Дима не почувствовал охотничьего азарта. Одно дело следить за юной девой, рассчитывая спасти ее невинность, и совсем другое – выслеживать финтифлюшку. Иногда юные дурочки не отдают себе отчета в том, что делают, провоцируя мужчин своим поведением и внешним видом, однако у них другие глаза. Жанна

Гладышева прошла совсем близко, бросив на Диму слишком откровенный взгляд. Он сказал Диме о многом... Ему немедленно стало скучно. Он привычно проследил парочку до машины, которую тип в каскетке припарковал на другой стороне площади. Записал номер и облегченно вздохнул – первая зацепка есть. Теперь, даже если случится некая неожиданность, мужика можно будет отследить без проблем.

Все же он решил продолжить слежку. За своей «манюней» бежать было слишком далеко, и Дима поднял руку. Тотчас к бордюру прибилося разваливающееся на ходу корыто, в салоне которого явственно пахло тленом. Хозяин, однако, был вполне себе жив и как-то по-особому задиристо лыс. Помимо лысины у него была короткая, лопаткой, седая борода и пушистые усы, разлетающиеся к ушам. Он весело балагурил, сев на хвост белому «Форду-Фокусу».

– Дед, – сказал Дима, посчитав такое обращение вполне уместным, потому что, по его мнению, водителю исполнилось уже лет сто. – Дед, ты особо-то не светись. Я слежку веду. Заметят – и мне наkostenять могут, и тебе.

Он сразу понял, что в это дело лучше внести ясность с самого начала, иначе дед может что-нибудь отчебучить. Психологом Дима был замечательным. Однако где и как его учили психологии, старался не вспоминать.

– За кем следим? – деловито осведомился дед, вцепившись в руль одной рукой, а другой пристегивая ремень безопасности. – Погоня будет?

– Лучше обойтись без погони, – посоветовал Дима. – Это скрытая слежка. Тут хитрость нужна, а не перестрелка. За младшей сестрой друга слежу. Другу моему кавалер ее больно не нравится.

– Ха! – восхитился дед. – Младшая сестра всегда шустра! Если что почует – хрен ее поймаешь.

– Так вот наша задача в том и заключается, чтобы не почуяла.

– Ладно, я буду за ними красться! – пообещал дед и тут же вдавил в пол педаль газа.

Белый «Форд» легко набрал скорость и ушел в левую полосу. Судя по решительно вздернутой бороде, дед вознамерился не отставать. Его драндулет неожиданно зарычал, как «Харлей-Дэвидсон», и сделал мощный рывок, распугав парочку «Мерседесов». Серебристый «Лексус» зайцем увильнул с его пути.

– Хорошо крадешься! – крикнул Дима. Стекла были опущены, и в ушах ревел ветер, грозя разодрать в клочья барабанные перепонки.

– Дык... Слежка же! – проорал дед, повернув к Диме лицо и отвлекшись от дороги.

«Сегодня не мой день, – обреченно подумал тот, перебирая в уме слова молитвы, застрявшие в памяти. – Вмажется в столб – и глазом не моргнет! Повезло мне как утопленнику». Сказать по правде, в такой езде было что-то безумно захватывающее. Несколько раз им возмущенно гудели вслед, а какой-то джип даже погнался было следом, но когда из глушителя старого корыта вылетел очередной залп, джип неохотно отстал.

К огромному облегчению Димы, белый «Форд» неожиданно свернул в переулок, замедлил ход и через несколько минут затормозил перед входом в ресторан «Итальянский рай» с помпезной вывеской, украшенной пластмассовой виноградной гроздью размером с ведро. К окнам прилепились ящики с цветами – тоже пластмассовыми. Через витражные стекла просматривались белые скатерти, что само по себе было недобрый знаком. Вероятно, здесь высокие цены и маленькие порции. Меню, обрамленное рамкой и выставленное перед входом, скорее всего являлось своего рода предупреждением.

Возблагодарив небеса за то, что остался жив, Дима мысленно провел инвентаризацию своей наличности. Поскольку на данный момент у него не было подруги, которой периодически требовались бы цветы, конфеты и билеты в театр, его бюджет вполне мог выдержать поход в дорогой ресторан. Главное, чтобы место подходящее нашлось. В обычной ситуации он подо-

ждал бы тех, за кем вел слежку, где-нибудь снаружи. Но сегодня решил махнуть на все рукой и изменить правилам.

– Ну как, я молодец? – простодушно спросил дед, заглушив мотор.

Наступила тишина, которая показалась Диме странной. Возникло ощущение, что уши заткнули ватой.

– Молодец, – вяло согласился он и полез за бумажником.

– Мне денег не надо, – отмахнулся дед, вытирая пот со лба большим платком, который отчетливо пах луком. – Я бесплатно людей подвожу. За идею.

– За какую такую идею? – оторопел Дима.

– Я учусь машину водить. У меня права давно уже есть, лет тридцать. А автомобиля до сих пор не было. Только что купил – на кровные сбережения!

– Тогда действительно молодец.

Дима выбрался на улицу и глубоко вдохнул, заведя глаза к небу. Парочка наверняка уже изучила меню и сделала заказ официанту. Вероятно, там, в ресторане, таинственный Он снял каскетку и темные очки, и можно было надеяться разглядеть его как следует. Войдя внутрь, Дима притормозил, ожидая, пока к нему подойдет менеджер и предложит столик. Окинул взглядом зал. По закону подлости, его подопечные уселись так, что девушка оказалась лицом к публике, а ее спутник – спиной. Очки он снял, положив их на стол рядом с собой, а каскетку просто повернул козырьком назад, и это выглядело страшно подозрительным. Диме это не понравилось. В ресторане мужчина просто обязан снимать головной убор. Конечно, вряд ли ему сделают замечание, но все-таки это неспроста!

Жанна Гладышева сидела вольно, откинувшись назад, и гортанно смеялась, показывая завидно ровные зубы. Было невозможно поверить, что ей всего семнадцать. В ней чувствовалась хватка взрослой женщины, которая следует намеченной цели. Спутник то и дело брал ее за руку, целовал пальчики, и она принимала такие интимные знаки внимания как должное. «За девчонкой нужно было начинать следить года два назад, – подумал Дима. – Правда, и тогда успеха я бы не гарантировал. Держать такую штучку в узде – все равно что пытаться заставить кошку прыгать через скакалку».

Дима заказал минеральную воду и тарелку пасты с морепродуктами. На фотографии блюдо выглядело восхитительно. Позвонив в офис, он попросил Михеева пригнать к ресторану служебную машину. Благо ехать было недалеко. Михеев пообещал передать ключи через метрдотеля.

Дима бросил деланно-рассеянный взор в сторону Жанны Гладышевой и ее кавалера и вдруг услышал за спиной характерное покашливание. Подскочив на стуле, он обернулся и увидел деда, который живо взял соседний стул за спинку, с грохотом отодвинул его и уселся рядом.

– Здрасьте! – сердито сказал Дима. – Вы чего это пришли?

– Поесть захотел, – бесхитростно ответил дед.

Глаза у него оказались голубыми, как у врубелевского Пана.

– А почему именно тут? Вам что, других столиков мало?

– Дык... Меня пускать не хотели. Наверное, подумали, что у меня денег нет. Так я сказал, что я с вами!

– Молодец, – привычно похвалил Дима. – Находчивый, как Колобок.

– Смерть как хотелось посмотреть, что нынче в ресторанах делается. Меня сын никогда с собой в ресторан не берет. Говорит – я вести себя не умею. Хотя я обычно смиренно сижу. Вот в кафе «Бабочка» мы с ним вместе ходили. Я чай пил и пирожное с кокосовым орехом ел. Вилкой. Официантка мне улыбалась, как сумасшедшая.

– Сегодня явно не мой день, – пробормотал Дима.

А потом неожиданно подумал, что, если дед пустится в пляс или подерется с официантом, тип в каскетке наверняка обернется, и тогда можно будет разглядеть его во всех подробностях.

– Слышь, Штирлиц, а что это такое – ризотто? – с любопытством спросил дед, обнюхав меню, словно блюда можно было выбирать по запаху.

– Это итальянский плов, – ответил Дима, стараясь не глазеть на Жанну Гладышеву слишком откровенно.

Хотя, пожалуй, ничего особенного в этом не было – она вела себя довольно раскованно, стреляла глазками по сторонам, а появившегося то и дело официанта игриво тянула за рукав форменной куртки. Многие мужчины обращали на нее самое пристальное внимание.

– То есть ризотто – это рисовая каша, – вынес вердикт дед. – Ну ее к черту. А себе ты что заказал?

– Пасту. То есть макароны, – покорно ответил Дима.

– Вот ты придумал – в ресторане макароны есть! Я судака хочу. С картошкой. Расписали так, что слюнки текут. Скажи, пусть мне его поскорее принесут. А я пока отлучусь ненадолго.

Рядом с ними сидел дядька в дорогом костюме и с брюхом, как у кита. Сопя, он просматривал меню, относясь к этому делу со всей серьезностью. Дед остановился возле его столика и доверительно сообщил:

– Соевый соус не заказывайте. Я однажды в столовой взял, потом плевался три дня. Гадость страшная!

Пока дядька переваривал это сообщение, дед гордо удалился. А Дима целиком сосредоточился на слежке. Ему хотелось понять, какие отношения связывают Жанну Гладышеву и ее спутника. Вдруг он обманулся, и девушка всего лишь глупо флиртует? Хорош он будет, если сделает доклад, основываясь исключительно на первом впечатлении!

Прошло минут двадцать. Уже принесли рыбу, а дед все не возвращался. Зато через некоторое время к Диме подошел бледный метрдотель и, наклонившись, тихо сказал:

– Там папаша ваш в туалете заперся.

– Какой папаша? А... Этот. Ну и что? – рассердился Дима. – Он в таком возрасте, когда можно сидеть в уборной, сколько вздумается.

– Мы бы не против. Только он там песни поет. И стучит чем-то. Подыгрывает себе, значит. Гости, которые к гардеробу подходят, смеются. А женщины пугаются. У нас приличное заведение. А еще он машину свою поставил на стоянку для инвалидов.

– Да ему лет сто! – воскликнул Дима. – Наверняка он инвалид. Кроме того, он больной на всю голову. Вы сразу не заметили?

– М-да? – задумчиво спросил метрдотель. – Значит, пусть лучше поет?

– Пусть.

– А мне что делать?

– Можете гордиться своей демократичностью.

Метрдотель посмотрел на него с сомнением, однако приставать перестал и вышел из зала. Жанна Гладышева тем временем пересела на другой стул, чтобы быть поближе к своему спутнику. И даже этот стул ухитрилась придвинуть к нему на непозволительно близкое расстояние. Закинула ногу на ногу, расхохоталась, прижалась щекой к плечу кавалера, словно призывая его к активным действиям. Кавалер немедленно воспользовался ситуацией. Его рука заскользила по ее спине, оказываясь то на талии девушки, то на ее обтянутом задике. Он целовал ее в шею и в плечо. Если бы речь действительно шла о младшей сестре друга, Дима обязательно подошел бы и выступил. Неизвестно, к чему бы это привело, зато было бы не так противно.

В этот момент вернулся дед – с веселым и незамутненным лицом. Увидев на овальной сковородочке судака с картошкой, он издал радостное восклицание и, как заправский гурман, засунул себе за воротник салфетку. А потом весело принялся за дело. Отпилив рыбе голову

вилкой, он стал торопливо есть белое мясо, обсасывая косточки и складывая их горкой. Дима смотрел на него с гораздо большим удовольствием, чем на Жанну Гладышеву. Впрочем, представление длилось недолго. Через несколько минут входная дверь отворилась, и вошли два человека в черных костюмах с наушниками, прилаженными к голове. Окинув взглядом зал, они безошибочно определили цель и направились к их столику. Встали позади деда и, как по команде, сцепили перед собой руки в замочек.

– Изловили, Семен Петрович, – сказал один из «наушников» приглушенным голосом в микрофон. – И сам жив, и машина целая. На этот раз никого не угробил. Одет как? Не знаю, что и сказать... В ресторан его, по крайности, пустили. Что делает? Рыбу ест. С каким-то парнем. Так точно – возместить парню моральный ущерб.

– О, подарок тебе! – весело воскликнул дед, подбирая чесночным хлебом подливку и отправляя ее куда-то в усы. – За тебя эти два волкодава заплатят. Зря ты макароны ел! Надо было чего подороже заказывать.

– Я ж не знал, какая вы важная персона, – обреченно заметил Дима.

– Да это не я – важная персона, а сын мой, Лешка. На машине с мигалкой ездит. Сто человек охраны у него.

– Прямо сто? – кисло спросил Дима.

– Ну, уж по крайности четверо! И в Кремль его приглашают. Но это уже государственная тайна. Ты никому не говори, что я проболтался.

Дима пообещал, что ни за что не скажет. К своему большому стыду, он верил в приметы. Если начинали случаться дурацкие происшествия, дело наверняка должно было осложниться. Это уж к гадалке ходить не надо. Дед сегодня попался ему не просто так. А в качестве предупреждения. За Жанной Гладышевой необходимо следить в оба. Добром все это не кончится. Когда метрдотель передал Диме ключи от машины, которую подогнал к ресторану Михеев, он резво поднялся на ноги. Как ни удивительно, его счет действительно оплатили, а дед, прощаясь, обнял Диму, как родного.

– А на девушку эту рукой махни, – доверительно сообщил он на прощание. – Она, как червивый персик. Снаружи-то красивая, а внутри вся порченная. Для настоящей любви потерянная. Так своему другу и доложи.

Дима сидел за рулем и дождался, когда парочка выйдет из ресторана. Ожидание оказалось недолгим. Спутник Жанны снова был в очках и в каскетке. Конспиратор хренов.

Дима считал себя хорошим водителем и легко повел белый «Форд», то отпуская его вперед, то немного обгоняя. Кавалер довез Жанну почти до самого дома. Почти. Так что соседи вряд ли смогли бы его заметить. Прощались влюбленные недолго, хотя и страстно. Спустя минуту белый «Форд» помчался в сторону Савеловского вокзала. Дима вел машину плавно, пытаясь вернуть себе утраченную бодрость и доброе расположение духа. Объект слежки проживал рядом со станцией метро. Дима, не таясь, вошел вместе с ним в подъезд, поглядел, как тот вытаскивает почту из ящика с номером 224, прошел вперед и начал подниматься по лестнице. Мужчина поехал на лифте. Убедившись, что он вошел именно в 224-ю квартиру, открыв ее своим ключом, Дима прищелкнул пальцами и на скорости сбежал вниз по ступенькам. Оставался суший пустяк – выдать Ратникову номер автомобиля и адрес, чтобы тот по своим каналам установил личность человека, который вскружил голову Жанне и лишил сна ее старшую сестру.

* * *

Свой третий день в офисе Лиза начала с чашки крепкого кофе. Она сидела за идеально убраным столом, отпивая горячий напиток маленькими глоточками, и любовалась стеллажом. Благодаря ее стараниям стеллаж превратился из творческой свалки бумаг в аккуратнейшее

собрание дел, которые вело агентство. «Я буду образцовой секретаршей, – думала она про себя. – И Валера Ратников никогда не пожалеет, что взял меня в агентство».

– А эта папочка, судя по всему, навсегда останется такой же хиленькой, – сообщил Дима, потрясая перед собой пластиковым конвертом, в котором и в самом деле покоилась всего пара листов.

Он сильно заблуждался, но в тот момент, конечно, знать этого никак не мог.

– «Дело о престарелом соблазнителе»? – усмехнулась Лиза, и ее серые глаза полыхнули любопытством. – Вы никогда не даете названий делам, которые ведете?

– У нас нет Пэрри Мэйсона, – хмыкнул Дима. – И если ты обратила внимание, картотека составляется по фамилиям клиентов. Так что «Дело о престарелом соблазнителе», увы, будет называться гораздо прозаичнее – «Дело Ольги Гладышевой». Соблазнитель, кстати, вовсе не старый, а в самом соку. Тридцать восемь лет, как тебе?

– Ну... для семнадцатилетней девчонки и это слишком! Ей бы кого-нибудь посвежее, согласен?

– Согласен, – Дима горестно вздохнул. – Сейчас придет Ольга Гладышева, я отчитаюсь, потом напишу бумажку для Ратникова – и снова готов к труду и обороне. Вообще-то, я хотел завершить все завтра, но Валера наехал, говорит: слишком много клиентов, расслабляться некогда.

– Я поприсутствую на вашей встрече, ладно? Мне хочется отследить весь процесс. Как это все происходит... от начала и до конца.

– Давай-давай. Может, когда-нибудь ты встанешь в наши стройные сыщицкие ряды. А на твое место возьмут смышленного парнишку.

– Чего?

– Это я так, не обращай внимания, – пробормотал Дима. – Кстати, я уверен, Валера не будет возражать, если ты проявишь свои способности в каком-нибудь из текущих дел. Так что, если появятся идеи, сразу говори. Хотя на всякий случай должен тебя предупредить, что у женщины, которая занимается сыском, собачья жизнь.

– А вот и наша клиентка, – перебила его Лиза.

Ольга Гладышева выглядела точно так же, как и вчера. Сцена ее прихода повторилась вплоть до мелочей, и Лиза, входя вслед за ней в кабинет и устраиваясь на стуле, даже потрясла головой, чтобы избавиться от этого «дежавю».

– Что ж, Ольга, вы были правы, – начал Дима, дождавшись, когда все рассядутся. – Ваша сестра действительно встречается со взрослым мужчиной. Я, собственно, потому вам и позвонил, что все выяснилось достаточно быстро.

Он достал бумажки и разложил перед собой на столе. Ольга напряглась, вытянувшись в струнку, ее глаза буквально вцепились в документы, будто она могла прямо так, издали, узнать всю правду об ухажере своей сестры.

– Ему тридцать восемь лет, он работает начальником отдела довольно крупной фирмы, торгующей канцелярскими товарами, – «Митэкс».

Ольга вздрогнула и медленно выпрямилась. Губы ее превратились в тонкую прямую линию – так плотно она их сжала. После чего резко переспросила:

– «Митэкс»? Я правильно поняла?

– Правильно.

– Мне кажется, вы ошиблись.

– Я не ошибся.

Лиза почувствовала, как бьется сердце – было ясно, что сейчас они узнают что-то неприятное.

Ольга Гладышева сузила глаза. Кончик ее носа и скулы побелели. Дима молча уставился на клиентку. Во взгляде его появилась тревога.

– Как его зовут? – бросила та, потеряв ладони друг о друга, и звук этих движений – сухой и нервный – заставил Лизу поежиться.

– Вадим Хабаров, – быстро сказал Дима.

Он уже понял, как и Лиза поняла, что имя окажется Ольге знакомым. И все же такой реакции никто из них не ожидал. Произнесенное вслух, оно произвело на клиентку сокрушительное впечатление.

– Хабаров! – сдавленно воскликнула она и потрясла головой, словно отгоняя наваждение. – Ах, мерзавец! Сволочь, подонок... Сукин сын!!!

Если бы словами можно было отравиться, Дима и Лиза наверняка упали бы замертво. Столько в голосе Ольги было яда.

– Кто такой Хабаров? – резко спросил Дима. – Я имею в виду – кто он вам?

Клиентка дышала так бурно и часто, словно ей не хватало воздуха. Однако губы ее по-прежнему были плотно сжаты. Вероятно, она просто боялась разжать их, чтобы не разразиться страшной бранью.

– Кто такой Хабаров? – выкрикнула она наконец, уставившись на Диму так, словно это он был подонком и сволочью. – Это тип, за которого я собиралась выйти замуж!

Ее глаза заволокло пеленой ярости. Ольга отлично помнила свой последний разговор с Вадимом. Это был тот еще разговор! Она, как дура, убеждала его, что брак для них – наилучший, наиудобнейший способ существования.

– Может быть, тебя напрягает Жанна? – волновалась она. – Я понимаю, что девчонка – не сахар и что жениться на мне теперь, пока она учится, все равно что взять женщину с ребенком.

– Она вообще здесь ни при чем, – качал головой Вадим. – Я не рассматриваю Жанну как обузу. Это касается только нас двоих.

– И что тогда тебя останавливает? – злилась Ольга. – Мы отлично уживаемся вместе, ты с удовольствием остаешься ночевать...

– Не нервничай, ладно? Нам ведь не обязательно говорить об этом на повышенных тонах. Да, мы хорошо ладим, но не забудь, периодически я все же отправляюсь в свою берлогу. То есть у каждого из нас есть потребность побыть в одиночестве, пожить своей жизнью.

– Уж этот мне мужской эгоизм! – кипятилась Ольга. – Как ты не понимаешь: мне хочется выйти замуж. Как любой женщине, черт бы тебя побрал! И если ты меня любишь... Кстати, а ты меня любишь?

– Не задавай дурацких вопросов, – пробормотал Вадим.

Они так и не пришли ни к какому решению в тот день. Ольга ждала, что в самое ближайшее время Вадим уступит ей. Потому что она стала холодна с ним. Он не мог не понимать, что это своего рода наказание и попытка настоять на своем. Она была убеждена, убеждена, что на самом-то деле Вадим просто прячет голову в песок, словно страус, пытаясь отсрочить неизбежное. Она пребывала в уверенности, что, едва дело доходит до брака, все мужчины становятся жалкими трусами, поэтому их надо брать за шиворот и тащить под венец. И лишь потом, спустя какое-то время, они оценят твою настойчивость по достоинству.

Сейчас, подняв полыхающие праведным гневом глаза на Диму Скороходова, Ольга спросила:

– Так это Хабаров вчера встречался с моей сестрой?

– Да, – ответил Дима коротко.

– Вы следили за ними, – Ольга наставила на сыщика палец. – Что они делали? Валялись в постели?

– Ездили в ресторан. И вели себя, как любовники, – заключил Дима. – Хотя...

– Оставьте свои «хотя» при себе! – Ольга вскочила, отшвырнув стул так, что тот ударился о батарею и недоуменно закачался. – Я больше ничего вам не должна?

– Нет, – ответил Дима. – Все в порядке.

Конечно, у этой женщины далеко не все было в порядке. Лиза должна была бы ей сочувствовать, однако не испытывала ничего, кроме беспокойства.

* * *

Очутившись на улице, Ольга сделала несколько глубоких вдохов, потому что ей казалось, будто она задыхается. Она не могла поверить... Вадим и Жанна – какой кошмар! Ведь они практически не общались друг с другом – так, постольку-поскольку. Вадим вел себя с девушкой совершенно естественно. Черт, значит, только на ее взгляд. На самом-то деле они притворялись! Мерзкая, отвратительная правда. Позвонить Ивану? Рассказать все как есть?

Иван Болотов был женат на сестре Вадима Хабарова – Любочке. Поскольку Вадим и Ольга считались парой (в конце концов, они год жили в гражданском браке!), то Вадим, само собой, познакомил неофициальную жену со своими родственниками. Иван, Вадим и Любочка были друзьями детства. Кажется, Вадиму даже нравилось, что в конечном итоге все они породнились, и теперь Любочка не просто пристроена, а по-настоящему счастлива.

Вполне понятно, что своими подозрениями относительно сестры Ольга поделилась именно с Иваном. Он-то и посоветовал ей обратиться к частным детективам, считая этот путь выяснения истины самым верным и безболезненным.

– Никто не будет впутан из знакомых, а это немало. Может быть, ты, поддавшись порыву, расскажешь кому-то всю правду, а потом пожалеешь. Еще неизвестно, как там сложится дальше. Конечно, решать все равно тебе...

Однако для нее, Ольги, истина оказалась не просто болезненной – убийственной. Нет, сегодня она не будет звонить Ивану. В конце концов, они с Вадимом самые близкие друзья, он мгновенно кинется к нему и все выложит. А Ольге не хотелось сейчас наломать дров. Нужно сосредоточиться и все как следует обдумать...

Она вошла в квартиру и привалилась к двери спиной. Выронила сумку, сбросила с плеч плащ прямо на пол, отшвырнула туфли и с решительным лицом направилась в комнату младшей сестры. В сущности, меньше всего Ольга считала Жанну сестрой. В большей степени – ребенком, которого она должна вырастить и устроить в жизни.

Жанна была ребенком ее отчима. Конечно, детство девочки нельзя было назвать счастливым. Сначала она потеряла мать, потом отца. Так что у нее осталась только сводная сестра. Впрочем, отношения у них не сложились. Жанна отличалась неуживчивостью, бойким нравом, дерзкими выходками. Ее внутренний мир оставался для Ольги тайной за семью печатями. Например, она до сих пор ничего не знает об увлечениях девчонки. Хотя нет, теперь знает. По крайней мере, об одном увлечении!

Ольга постаралась успокоиться. Она возвратилась в коридор, разложила брошенные вещи по местам, а потом села за письменный стол Жанны и внимательно огляделась вокруг. Ничего особенного. Обстановка, обычная для молодой девушки. Музыкальный центр, рядом стопка дисков, постер группы «Guano Apes» на стене. На краю стола под стеклом – вырезанная из киножурнала фотография Джорджа Клуни. Черт возьми, может быть, это тоже должно было навести ее на размышления? Не какой-нибудь белокрысый юнец со слюнявым ртом, снявшийся в паре блокбастеров, а солидный Клуни – брюнет, глаза с поволокой, как у Хабарова...

Когда Ольга начала обследовать ящики стола, перед ней вскоре выросла кучка вещей, которые можно было бы смело назвать уликами. Во-первых, тут был злосчастный дневник. В нем, правда, не прибавилось записей, и Он по-прежнему оставался безымянным, но теперь Ольга все написанное воспринимала совершенно по-другому. «Нет, но какова гадина? Ведь она знала, что Вадим – мой! Что мы спим вместе... Неужели ей не противно? А может быть,

наоборот? Ей весело? Она испытывает чувство мстительного удовольствия? Я совершенно не знаю эту маленькую стерву», – растерянно подумала Ольга.

Второй уликой был серебряный медальон в виде маленького пухлого сердечка, на обратной стороне которого красивой вязью было выгравировано: «Моей любимой девочке». Медальон Жанна прятала в коробочке с коллекцией монет. Никто не мог подарить ей это украшение, кроме Вадима. Простенько и со вкусом. Если бы это был подарок от какого-то мальчишки, Жанна наверняка небрежно бросила бы его где-нибудь на виду. Но нет, она припрятала его подальше от Ольгиных глаз.

Последней находкой оказалась фотография, от которой аккуратно было отрезано ее, Ольги, изображение. Ольга хорошо помнила эту фотографию. Они снимались все вместе, когда ездили на плотину кататься на лодке. Но вот теперь Ольгу с общей фотографии безжалостно удалили. И остались на ней только Вадим с Жанной, оба улыбающиеся, с чуть прищуренными глазами. Правда, слева, там, где раньше стояла Ольга, одно плечо Вадима было отхвачено ножницами, и куций снимок взбесил исследовательницу невероятно. Эту «подправленную» фотографию Жанна засунула в старый блокнот, куда в детстве записывала названия фильмов, которые ей понравились. Какое-то время Ольга сидела неподвижно, потом рассовала все находки по местам.

Что же делать? Когда нахалка вернется из университета, можно будет устроить сцену, поговорить с ней по-взрослому, как женщина с женщиной. Или нет. Это поставит их на одну доску. А Ольга считала, что она выше, умнее и достойнее Жанны. Несмотря на смазливую физиономию, которой ту наградила Создатель.

Нет, с Жанной разговаривать бесполезно. Она взовьется, они наговорят друг другу пакостей... И вступят в открытую конфронтацию. Надо призвать к ответу главного виновника происшедшего – подлеца Хабарова. Это единственный выход.

Ольга злилась на свою слепоту, на то, что считала Жанну хоть и противной, но безвредной душой. Было унижительно осознать, что душой оказалась она сама – слепой и глухой, которая ничегошеньки не понимает ни в этой проклятой жизни вообще, ни в сердечных делах, в частности.

* * *

Ольга сердилась на Вадима из-за того, что тот не хочет, как принято выражаться, узаконить их отношения. Именно поэтому, прочитав в дневнике сводной сестры о том, что та связалась с каким-то типом, который годится ей в отцы, она не обратилась к Вадиму за помощью. Видно, Бог на нее обернулся. Хороша бы она была, если бы обратилась!

Вместо этого Ольга выложила все свои подозрения лучшему другу Вадима – Ивану Болотову. Он был рассудительным, спокойным и, как любят говорить психологи, дружелюбным. Сейчас они сидели в кафе, на крытой веранде. На столе между ними горела плоская свеча, от которой шел ванильный дух. Впрочем, интимную обстановку одна несчастная свеча создать не могла.

А Ольге, чего греха таить, было бы лестно нравиться именно такому мужчине. Несмотря на Вадима... Но Иван, к сожалению, никогда не смотрел на нее с интересом, и Ольга подспудно чувствовала, что дело в ней самой. Ей были присущи сдержанность и некая холодность. А Иван был легкий, веселый и любил живые отношения и чувства.

- Детективы пока ничего не выяснили? – спросил он, примериваясь к салату.
- Еще слишком мало времени прошло.
- Хм. Ненавижу проволоочки.

Иван был из тех блондинов, которые с возрастом утрачивают резкость черт. Лица их оплывают, теряют контрастность и становятся среднестатистическими. Единственным акти-

вом Ивана, сохранившимся с юности, была ослепительная улыбка. Улыбался он широко и ярко, помогая себе глазами, которые в этот момент становились волшебными, как небо над Парижем. Улыбка обнаруживала его мужское обаяние, и окружающие безотчетно поддавались этой магии.

– Я так и не понял, почему ты не рассказала о своих семейных проблемах Вадьке, – продолжал он, энергично нагружая вилку едой. – Он умный и порядочный, и, в конце концов, вы с ним давно уже вместе. Речь ведь идет о твоей сестре. Вадька сам находился в таком же положении, ему одному приходилось присматривать за Любочкой. Он, как никто, должен понять твое беспокойство за младшую сестру.

– Послушай, а почему ты на ней женился? На Любочке? – спросила Ольга, пытливо поглядев на своего визави. Иван удивленно вскинул голову, и она быстро добавила: – Я понимаю, любовь и все такое. Но ведь можно было просто встречаться, не обременяя, так сказать, себя обязательствами.

– Да Вадька меня убил бы! – усмехнулся Иван. – Если бы я позволил себе такое – жить с Любочкой во грехе.

Он хмыкнул и покачал головой, словно удивляясь Ольгиной наивности.

– А как ты думаешь, почему Вадим не хочет идти со мной под венец? – спросила та с откровенным вызовом. – Он не делился с тобой? Может быть, я чем-то его не устраиваю?

– Знаешь, Оль, – Иван отложил вилку и взъерошил волосы на затылке, как делал всегда, когда находился в затруднении, – мы с ним вообще не очень-то обсуждаем такие дела. Думаю, это как раз из-за того, что я женат на его сестре. Понимаешь, какую бы мысль о женщинах я ни высказал, он всегда будет примерять ее к Любочке. Однажды я пошутил, что у женщин, которые хорошо варят суп, плохо варит голова. Так он на меня обиделся: решил, что я низкого мнения об умственных способностях его сестры.

– Я попросила Вадима заехать ко мне днем, – призналась Ольга. – Думаю, пора наши проблемы как-то решить.

– Хочешь поставить его перед выбором: или свадьба, или амба – разбежались?

– Вадима не так-то легко поставить перед выбором. Я уже пыталась. Бессмысленно.

– Н-да, непростые у вас отношения, – пробормотал Иван. – Не лучше ли тебе сначала все же попытаться помочь Жанне? А потом уже разбираться со своей свадьбой? Что скажешь?

– Наверное, ты прав.

Ольга почувствовала, как ее сердце наливается черной желчью. Она живо представила себе, как Вадим, которого она считала почти что своей собственностью, дождавшись, пока она отвернется, бросал на Жанну полный обожания взгляд. Гадость какая. Вот взять сейчас и рассказать Ивану правду о его лучшем друге. Да он не поверит! Как же – старший брат его обожаемой жены Любочки просто не может быть подонком. Иван слеп, он думает, что Вадим – золото. Ничего, когда-нибудь она откроет ему глаза. Не сейчас.

– Знаешь, ты не очень расстраивайся из-за Вадима, – попытался утешить ее Иван. – Раз у вас сейчас напряженные отношения, не стоит обращаться к нему за помощью. Ты не должна унижаться, ощущать зависимость от него. Я сам тебе помогу! Как только детективы выяснят, что за тип ухлестывает за Жанной, сразу позвони мне. Я вполне в состоянии разобраться с ним по-мужски, вполне. Ты не должна быть одна.

– Спасибо, – пробормотала Ольга, чувствуя, что еще немного – и она возненавидит и Ивана тоже. За то, что он такой отвратительно порядочный. Такой предприимчивый. Такой добряк.

Если бы она могла поплакать, зарывшись носом в подушку! В романах пишут, что женщины обычно так и делают. В кино постоянно показывают рыдающих девиц. Ольга не представляла себе, как это – выплакаться от души? И после этого почувствовать облегчение. Слезы если и приходили к ней, то недолгие и скупые.

Предложив ей свои услуги, Иван приободрился. Боже, как мало нужно мужчине, чтобы прийти в хорошее расположение духа! Ощутить себя перцем. Пovýпендриваться перед женщиной. Какие же они все... мелкие.

Ольга вспомнила о своей женской природе, которая заставляла ее стремиться к замужеству. Что, если это вовсе не женская природа? А страх прослыть в глазах окружающих никому не нужной старой девой? Что, если замужество необходимо не ей самой, а ее самолюбию?

Она рассталась с Иваном, ничем не выдав обуревавших ее чувств. Приехала домой и отправилась на кухню. На столе, придавленный чашкой с остатками чая, лежал перевод, брошенный на середине фразы. Ужасная небрежность, которой она раньше никогда не допустила бы. Ольга поглядела на часы и пошевелила ноздрями. Вадим должен был прийти с минуты на минуту. Какая ирония судьбы! Она дала частным сыщикам задание выследить ухажера младшей сестры, и он оказался ее собственным женихом. Фу, как это унизительно! С каким мерзким снисхождением смотрела на нее та девка, которая работает в частном сыском агентстве... Лиза, кажется. Она поняла, что ненавидит Лизу.

Звонок в дверь разорвал паутину ненависти, в которой Ольга едва не задохнулась. Вероятно, явился Вадим. Наглый обманщик, подлец... Однако это был не Вадим, а Жанна. Еще того не легче...

– Привет, у нас сегодня не было последней пары, – сообщила младшая сестра небрежным тоном и, скинув куртку и сапоги, прошла в свою комнату.

Сапоги остались лежать на коврике – длинные и блестящие, на тонких шпильках, подчеркивающие красоту ног, на которые их надевали. У Ольги были обыкновенные ноги. Ее всегда бесила эта несправедливость. Она стояла и смотрела на проклятую пару обуви, словно та была воплощением всего, что она так не любила в сводной сестре. Чтобы ее не разорвало от злости, Ольга крикнула в сторону кухни:

– Суп в холодильнике. Только разогрей.

«Чертова лентяйка!» – хотелось добавить ей, но она, как обычно, сцепила зубы и промолчала.

В этот миг в дверь снова позвонили. Ольга прижалась к «глазку» и сделала глубокий вдох. Вадим! Пришли прямо друг за другом. Это подозрительно. Наверное, он встретил Жанну возле факультета и привез домой. Девчонка поднялась первой, а он некоторое время сидел в машине – для конспирации.

Впустив Вадима в квартиру, Ольга впервые за долгое время не подставила ему щеку для поцелуя. Этот обязательный поцелуй при встрече был ее личным завоеванием, которым она втайне страшно гордилась. Однако мерзавец ничего не заметил. У него была хмурая холеная физиономия, в которую Ольге хотелось вцепиться ногтями.

Вадим прошел в гостиную и остановился возле окна, глядя на хозяйку дома. Она тоже не стала садиться, а уставилась своему так называемому жениху прямо в переносицу, мечтая, чтобы его перекосило. Проклятья всегда получались у нее искренними и жаркими. Может быть, бросить ему в лицо все, что она о нем думает? Сказать, что она знает о том, что он волочится за ее идиотской младшей сестрой?

Жанна громыхнула на кухне кастрюлей, будто напомнив, что они в доме не одни.

– Наверное, ты ждешь, что я извинюсь, – внезапно подал голос Вадим, и Ольга даже не сразу сообразила, что он имеет в виду их отношения.

Вадим изо всех сил старался глядеть ей в глаза, но у него плохо получалось, и взгляд то и дело убегал в сторону.

– Да, я именно этого и жду, – бросила Ольга.

– Ну, тогда извини. Мне было с тобой хорошо, но... ничего настоящего между нами так и не возникло.

Ольга окаменела. Так он пришел сказать, что бросает ее! Если сейчас накинуться на него с обвинениями, он будет только рад облегчить душу. Нет, фигушки. Она не станет упрощать этой пошлой парочке жизнь. Нужно хорошенько подумать, подготовиться и уж потом... Что она сделает потом, Ольга не знала. В голове ее билась мысль о том, что Жанна – несовершеннолетняя. Соплюшке только семнадцать, она даже не имеет права заказывать выпивку в ресторане и водить машину. Наверное, этим можно как-то воспользоваться, чтобы отомстить...

– Ну, оглянись на наши отношения, будь честной, – говорил между тем Вадим. – Между нами все время существовала дистанция.

«Я даже знаю, как ее зовут», – ехидно думала Ольга.

– Наша совместная жизнь оказалась чередой сплошных будней. Ни у тебя, ни у меня не возникало желания совершать милые безумства. Мы никогда не называли друг друга шуточными прозвищами, не хохотали по пустякам... Да у нас и не было общих приятных пустяков! Все было так невероятно серьезно... Ты понимаешь, о чем я?

Она понимала. Она понимала, что он без ума от этой маленькой фиглярки, которая притаилась где-то на кухне и, наверное, почти не дышала, прильнув к щелке в двери. Нет, долго держать себя в руках она не сможет.

– Ты еще должен будешь вернуться на работу?

Ей необходимо высказаться. Как можно быстрее. Сегодня.

– Да. Освобожусь к одиннадцати.

– Но это чертовски поздно!

Когда Ольга принимала решение, она не терпела проволочек.

– Первое апреля, ты не забыла? День дурака. Очередная пьянка. Ты ведь знаешь: нашему народу дай только повод повеселиться... Начальник ждет, что я буду тамадой за столом.

– Жаль, – сухо сказала Ольга. – Я должна сказать тебе кое-что наедине. Без... свидетелей. – Она мотнула головой в сторону кухни. – Ну, значит, в другой раз.

– Да, в другой раз, – охотно согласился тот.

Вероятно, мужчины ощущают опасность, как ящерицы, и вовремя отбрасывают хвост.

– Я что-то не поняла: с какой стати ты явился днем? – спросила она, спохватившись.

– Хочу забрать кое-какие вещи. Не возражаешь?

– Да на здоровье. – Ольга широким жестом обвела комнату. – Вспоминай, что здесь твое...

Ему хватило четверти часа на то, чтобы побросать в сумку барахлишко. Все это время девчонка не показывалась, засев на кухне. Длинноногая белобрысая мерзавка! Ольга была уверена, что придумает достойную месть. Им обоим.

* * *

Лиза робко постучала в кабинет Ратникова. Она по-прежнему относилась к новому шефу с опаской, хотя он всячески выказывал ей свое расположение. Лизе нравилось, что он не фамильярничает, не позволяет себе пошлостей типа «лапочки», «киски» или «детки». В свою очередь Ратникову импонировало, что его новая помощница не прибегает к опереточным приемам вроде демонстрации ножек и хлопанья ресницами.

– Можно мне спросить? – осторожно поинтересовалась Лиза, не зная, как ее шеф отнесется к инициативе снизу.

– Давай садись, я весь внимание.

Ратников отложил бумаги и, сцепив руки перед собой, поглядел на Лизу тем особенным взглядом, который отработывал годами, – внимательным, дружелюбным и немножко нежным. Его светло-голубые глаза обежали всю ее и остановились на лице. Лиза тоненько кашлянула и сказала:

– Я тут все думала про историю с Неверовой Ниной Николаевной.

– Так-так, Лиза, умоляю, не бойся показаться глупой, высказывай любую идею. У нас нет покуда ни единой зацепки. Если что пришло в голову – давай, не томи.

– Мне кажется абсолютно невероятным, чтобы, проговорив больше получаса с Неверовой, мужчина ничего про себя не рассказал.

– Сухарев досконально выпросил ее о содержании той спонтанной беседы и не обнаружил там ничего ценного.

– Может, Неверова утаила кое-какие подробности?

– Зачем? Это ведь не в ее интересах.

– Возможно, она просто недооценивает важности того, что утаила.

– С чего ты вообще взяла, что она что-то утаила?

– Ну... просто я подумала: Сухарев – не тот человек, которому может довериться такая женщина.

Ратников вперил взгляд в полированную крышку стола, пытаясь вызвать к жизни образ Артема Сухарева, потом раздумчиво кивнул:

– Да, в этом что-то есть. Тогда, может быть, ты сама с ней побеседуешь?

– А этика? – нахмурилась Лиза. – Сухарев и так-то отнесся ко мне... э-э-э... несколько предвзято.

Ратников так удивился, что непроизвольно выпучил глаза и даже пару раз по-совиному моргнул:

– Предвзято? А как же его слащавая любезность, которой он одаривает всех без исключения женщин?

Лиза сморщила нос и решительно ответила:

– Никакой любезности. Со мной он ужасно недружелюбен.

– Странно, странно. Весьма странно. Ну да ладно. Если ты говоришь, что Неверова могла не до конца довериться Сухареву, я тебе, конечно, верю. Тогда, если не возражаешь, скажем, что автор идеи – я сам. В этом случае наш Тема не станет показывать характер.

Лиза кивнула, но все же сочла своим долгом предупредить:

– Конечно, я могу и ошибаться. Здесь нет ничего, кроме женской интуиции...

– А что? Это интересно. Уж чего только мы не использовали в своей работе! А вот женскую интуицию – еще ни разу.

* * *

Нина Николаевна сидела напротив Лизы и, надув губы, рассматривала свои изящные руки. Лиза уже составила о ней свое впечатление. Эдакая скрытая эгоистка. Веселая, жизнерадостная, готовая помочь... если это никоим образом не мешает ей решать свои проблемы. Себя, любимую, она всегда ставит на первое место. Собственные интересы – превыше всего. Ими она никогда не поступится. Но если вы впишетесь в график ее добрых дел, она вас с удовольствием осчастливит. Черт, таких людей трудно не любить. А любить – еще труднее. Они и нравятся, и вызывают досаду, и сердят, и восхищают...

Очень важно иметь в виду, что Нина Николаевна была красавицей. И еще артисткой. Она позволяла себе жеманиться даже перед женщинами, и глаза ее, когда она очаровательно моргала, были наивные-наивные, лишь иногда в них мелькала хитринка – вот, дескать, я тут разыгрываю роли, но вы-то, вы-то все понимаете...

Лиза решила, что самое правильное – сыграть с Ниной Николаевной Неверовой в ее собственную игру. Принять ее правила безоговорочно.

– Поверить не могу, – восхищенно сказала она, – что незнакомый мужчина может вот просто так, сразу проникнуться нежными чувствами к женщине. Ко мне никогда никто не

клеится на улицах. Посмотрят оценивающе – и проходят мимо. Видимо, во мне не хватает чего-то эдакого...

Она окинула Неверову слегка ревнивым взглядом. Та приложила руку к груди и плаксивым голосом протянула:

– Ума не приложу, почему они ко мне цепляются...

Копна темно-рыжих волос рассыпалась по ее плечам. Волосы выглядели не просто ухоженными – заласканными.

– Вы очень красивая, – будто бы с неохотой призналась Лиза. – И прическа, и фигура, и ноги.

– Вот-вот, – встрепенулась Неверова. – Этот тип начал именно с ног.

– Да что вы? Впрочем, ничего удивительного, – спохватилась она, вспомнив, что подыгрывает.

– Говорит, ваши ножки привели меня в трепет. Если бы я встретил вас неделей раньше, обязательно уговорил бы вас позировать для рекламного снимка.

– Как волнующе! – Лиза шумно выдохнула. Это было и в самом деле любопытно. И чисто по-женски безумно интересно. – А для какого рекламного снимка?

– Не то чулок, не то колготок. Знаете, он минут пять бегал вокруг меня, цокая языком и потирая руки. Словно мои конечности – некое существо, отдельное от меня. Суций болван!

«Что же ты раньше об этом не рассказывала, Нина-дубина?» – раздраженно подумала Лиза, а вслух воскликнула:

– Послушайте! А ведь он может быть рекламным фотографом!

Неверова завела глаза вверх и, секунды две поразмыслив, медленно кивнула:

– Да... Пожалуй, может. Боже, почему я сама об этом не подумала?! Не вспомнила наш разговор от первого до последнего слова? Какая я глупая! – И, тут же воодушевившись, повысила голос: – Да это просто чудо что за мысль! Он действительно говорил про колготки. А я-то даже внимания не обратила на его трескотню – идеальная лодыжка, хороший подъем...

– Считайте, что ваше дело сдвинулось с мертвой точки, – уверенно сказала Лиза. – В Москве не так много рекламных фотографов, как это может показаться несведущему человеку.

– Вы думаете, мы его все-таки найдем? – со жгучей надеждой в голосе спросила Неверова. – И милиция от меня отвяжется? Если бы вы знали, в каком ужасе я живу! У них нет против меня прямых улик, но и подозреваемых, кроме меня, тоже нет! Я так устала от допросов, от подозрений! Тогда как единственная моя провинность состоит в том, что муж оставил мне все свои деньги и недвижимость. Хотя это так естественно! Ведь мы обожали друг друга.

«Особенно ты его», – с иронией подумала Лиза. Сухарев выяснил, что муж Неверовой был ревнив, как Отелло, и заставлял красавицу-жену отчитываться о каждом своем шаге, который она совершала без его присмотра. Поверить в то, что такого деспота можно обожать, невероятно трудно. Да просто невозможно. Конечно, женщинам нравится, когда их ревнуют, однако всему есть предел.

– Как же я не вспомнила раньше про эти дурацкие колготки? – спрашивала себя Нина Николаевна, кусая губы. Было заметно, что ей действительно не терпится сбросить с себя груз подозрений. Наконец она успокоилась и азартно потеряла руки: – И что мы теперь будем делать?

– Вы будете ждать, а мы – искать дальше.

Неверова вздохнула и кивнула, смирившись с этим планом.

– Только ищите, пожалуйста, скорее. Я не могу жить нормальной жизнью, находясь под подозрением!

Скрывая внутреннее ликование, Лиза вышла из кабинета. Неверова выпорхнула вслед за ней. Артем Сухарев с ироничной улыбкой на лице повернулся на вращающемся стуле и уставился на женщин. Глаза его за толстыми линзами очков казались нарисованными.

– Нина Николаевна кое-что вспомнила, Артем, – по-деловому сообщила Лиза. – Мужчина, с которым она встретилась по дороге в город, скорее всего – рекламный фотограф. Мне кажется, не так давно он делал снимки для фирмы, рекламирующей колготки.

– Серьезно? А с чего вы взяли? Расскажите мне подробнее.

Надо отдать должное Сухареву – он тут же заглотил наживку, совершенно забыв о том, что какая-то почти что приبلудная секретарша обошла его на повороте.

Пока Сухарев по второму разу допрашивал Неверову, к Лизе подошел Ратников и, глядя в ее серые глаза, тихо сказал:

– Лиза, вы – гений. Я не ожидал, что у вас все пройдет как по маслу. И сразу же результат. Молодец.

Помялся немного и отошел. Обычно он легко рождал комплименты, умел и любил произносить их вслух, но со своей новой помощницей не то чтобы тушевался, а просто как-то не мог нащупать верный тон. Поэтому ограничивался сдержанными одобрительными репликами. Вот как сейчас. Лиза хранила серьезность, хотя ей было до безобразия приятно, что все получилось. Все получилось, как она и думала! Черт возьми, женская интуиция – это все-таки сила.

* * *

С самого утра Вадим мучился головной болью. И это после двух бокалов шампанского! А ощущение такое, будто он с вечера пил водку, а потом его били собутыльники. Почему так бывает? Только намылишься радоваться жизни, соберешься прочувствовать что-нибудь хорошее – и тут какая-нибудь мелкая гадость все тебе испортит. Похмелье, чтоб ему...

Хорошим событием Вадим считал разрыв с Ольгой. Он все-таки сказал ей! Сколько недель готовился к решающему разговору, сколько репетировал, сколько ночей провел без сна. И все-таки сказал. «Надо было давно сознаться, что я не люблю ее. А все жалость. Глупая, надо сказать, жалость. Вялый роман отнимает гораздо больше сил, чем бурный. У обоих. Ольга тоже не казалась особенно счастливой, пока мы были вместе. Смешно надеяться, что штамп в паспорте вдруг в одно мгновение превратил бы ее из мороженой креветки в страстную пантеру».

В дверь кабинета весело постучали, и на пороге, как по волшебству, возник Иван Болотов. Лучшие друзья обычно так и появляются – когда их не ждешь, но когда они нужны больше всего на свете. Войдя, Иван подмигнул и зацокал языком:

– Привет! Ой-ой, какое некрасивое у нас похмелье...

– Это не похмелье, а мигрень на нервной почве, – проворчал Вадим, с отвращением глядя на продолговатый сверток, который его друг притащил с собой. – Ты что, захал меня полечить?

– Я вчера встречался с Ольгой. – Иван уселся на небольшой диванчик у окна и достал бутылку вина. – Мне показалось, она решила пойти ва-банк. Так что мы сегодня или празднуем помолвку, или оплакиваем разрыв.

– Нечто среднее, – усмехнулся Вадим. – Мы празднуем разрыв.

– Ах, вот даже как?

Иван покачал головой. Пожалуй, одобрительно. Они никогда не обсуждали достоинства и недостатки Ольги, но однажды, по пьяни, Иван признался, что представления не имеет, как приятелю удастся заводить женщину, обтянутую акульей шкурой...

– Черт возьми, ты сам прекрасно знаешь, что в нашем возрасте не женятся по недоразумению. Ольга очень старалась культивировать в себе лучшие чувства. Однако любовь не растет, как морковь. Увы!

Иван улыбнулся своей фирменной улыбкой, которая когда-то сразила наповал младшую сестру друга.

– От Любочки есть известия? – спросил Вадим, потирая виски.

Впрочем, вопрос был риторическим. Наверняка известия есть. Любочка и дня не могла прожить без своей дражайшей половины. Даже теперь, когда Иван отправил ее на отдых, подышать морским воздухом, она каждый день звонила домой.

– У твоей сестры все тип-топ, не беспокойся. Самое главное – у нее хорошее настроение.

– Хорошее настроение женщины – залог здоровых будней мужчины, – пробормотал Вадим, прекратив тереть виски и переключившись на лоб. – Меня беспокоит, как она там одна...

– Ты привык видеть в ней маленькую девочку, – отмахнулся Иван. – Тогда как Любочка уже давно не беспомощный младенец, а самостоятельная молодая женщина.

– И при этом очень хорошенькая, – напомнил Вадим. – Поэтому твоя беспечность меня порой просто поражает.

– А меня забавляет твой родительский инстинкт.

Иван покрутил в воздухе бутылкой, поддразнивая Вадима.

– У тебя есть штопор?

– Есть. Тащи сюда свое магическое зелье.

Он достал бокалы и позволил Ивану наполнить их до краев. Взял один в руки и нахмурился.

– Погоди-ка. Ты сказал, что вчера встречался с Ольгой. Это она тебе позвонила? Она что, плакалась тебе в жилетку?

– Шутишь? Из нее слезу можно выжать только под пытками. Нет, там другое. Ольга ничего не говорила тебе про Жанну?

Иван порезал на дольки яблоко, которое тоже притащил с собой, подозревая, что никакой другой закуски в кабинете Вадима они не найдут. Секретарши, которая могла бы сбегать за чем-нибудь существенным в магазин, у приятеля не имелось.

– А что там с Жанной? – Голос Вадима был сдавленным, словно и он страдал от мигрени. – Что-то случилось?

– Да как тебе сказать...

Вадим уже поднес стакан к губам, уже на него пахнуло чудесной прохладной кислинкой, когда Иван продолжил:

– Ольга обнаружила, что Жанна встречается с каким-то стареющим плейбоем, и решила узнать, кто он такой. Я посоветовал ей обратиться в частное сыскное агентство.

Ароматный глоток вина остановился в рефлекторно сжавшемся горле Вадима, и он закашлялся – мучительно, судорожно. Потом немного пришел в себя, хватая воздух короткими порциями, отдышался и пробормотал:

– Черт, я ничего не знал... Как же так? Она ничего мне не сказала.

– Зря не сказала. Я думаю, твое вмешательство было бы кстати. Насколько я понял, Ольга с девчонкой даже не поговорила по душам.

– Как же она узнала? Следила за ней?

– Ну... не знаю, как узнала. Может, следила. Может, разговор по телефону подслушала. Разговор Жанны с этим типом, я имею в виду.

– По телефону вряд ли, – покачал головой Вадим. – Как тогда она определила его возраст? По голосу?

– А что? Может быть, и по голосу.

– Не представляю себе Ольгу, которая подслушивает телефонный разговор. Она такая щепетильная. Даже в личных делах.

Иван взъерошил волосы на затылке и спросил:

– Как разговор прошел? Вы с Ольгой насмерть разругались?

– Мы вообще не ругались. Она дико обижена, но холодна. Впрочем, собиралась в ближайшее время встретиться со мной снова и еще о чем-то поговорить. Я не хотел, но она настаивала.

– Вот, наверное, как раз о Жанне, – предположил Иван. – Девчонке семнадцать лет, но она всю эксплуатирует свою сексуальность. Ты не мог не заметить. Наверняка она и тебя пыталась обаять.

Вадим покатал стакан между ладонями и нервно бросил:

– Да уж... Придется с Ольгой повидаться еще раз. И как можно скорее. В свете открывшихся фактов.

– Слова не мальчика, но мужа, – тотчас откликнулся Иван. – Хотя я и предложил Ольге свою помощь абсолютно искренне, не думаю, что она ее примет. Ты – совсем другое дело. Вы жениться собирались как-никак. Кстати, помочь ей сейчас – хороший повод остаться друзьями.

– Думаешь, это правильно? – с сомнением спросил Вадим.

– Оставлять за своей спиной такого врага, как Ольга Гладышева, не стоит. Нет, не стоит.

* * *

Коля Михеев явился на общий совет по делу Неверовой самым последним.

– Думайте, думайте, – пробормотал ему в спину Ратников, скрываясь в своем кабинете. – Что-нибудь быстрое и эффективное. Дело слишком давно висит.

– Висит, растреклятое, – подтвердил Дима, усаживаясь верхом на стул. – Если бы не Лизин прорыв, тут бы ему и заглохнуть насмерть.

– Фотографа можно поймать на хороший заказ, – заявил Михеев.

– Согласен. Вернейший путь. Нужно объявить тендер, – провозгласил Сухарев, наставив ручку на автора идеи. – Будто бы мы небольшая рекламная фирма, сумевшая ухватить жирный заказ. Своего фотографа у нас нет, и мы желаем взять кого-нибудь на субподряд.

– А что мы будем рекламировать?

– М-м-м... автомобильные покрышки.

– Дурак, – сказал Дима. – Если фотограф делает рекламу колготок, вряд ли он кинется предлагать свои услуги в съемке покрышек.

– Пусть это будет обувь, – предложила Лиза. – В общем-то, близко.

– Пусть, – согласился на удивление покладистый Сухарев, стрельнув в Лизу суховатым взглядом из-за толстых стекол.

– Ты сядешь на один из телефонов, – начал распоряжаться Дима, – номер мы засекретим. И станешь обзванивать крупные рекламные агентства. Ля-ля тополя, в общих чертах обрисуеть ситуацию, потом спросишь, кого из фотографов тебе могут порекомендовать для наружной рекламы.

– Чтобы они действительно заинтересовались, нужно предложить привлекательный бюджет, – заметила Лиза.

– А привлекательный – это сколько? – с интересом спросил Михеев.

– Минимум полмиллиона, иначе они и вязаться не станут.

Михеев присвистнул.

– Ну, ладно, Сухарева на телефон посадили. Что потом?

– Потом надо на несколько дней снять офис. Туда будут приходить фотографы со своими работами. Не забудь, Тёма, надо обязательно просить, чтобы они работы приносили, это важно для придания делу достоверности.

– Я должен всем отказывать? – уточнил Сухарев, покорно сносивший нежное обращение Тёма.

– Естественно, ты же не настоящий торговец обувью, ласточка моя.

– А дальше?

– А дальше все, – пожал плечами Дима. – В офисе вместе с тобой будет сидеть Неверова. Если появится тот самый человек, ловушка захлопнется.

– Сколько она нас промурыжила, пока не вспомнила про рекламу! – покачал головой Михеев.

– Ведь это ее бабки, Коля, и нервы тоже ее. В милиции что сказали в ответ на ее визги? Ищем давно, но не можем найти...

– Еще бы! Она дала такое словесное описание, что художник в ментовке решил, будто ему придется воспроизвести лицо «Юноши с перчаткой» как минимум.

– Интересно, если этот фотограф такой красавчик и так уж ей в душу запал, какого черта она с ним поближе не познакомилась? Не взяла координаты? – принялся рассуждать вслух Дима.

– Ты забыл: тогда Неверова еще не знала, что ее мужа шлепнули, – пожал плечами Сухарев. – А муж у нее был – ого-го. Выдавал лицензии частным торговым организациям. И тиран был – не приведи господь. Нина Николаевна у него по струнке ходила. Какие там знакомства с фотографами! Она небось не чаяла от этого настырного парня поскорее отделаться. Наверное, поэтому и не помнит ничего толком. Представь себе: она останавливается на обочине – и он тоже. Две машины, две одинокие фигуры. Из любой проезжающей тачки видно их как на ладони. А проехать может кто угодно. Хоть тот же муж, хоть его прихлебатели – дачный поселок общий на всех. Думаю, от этого навязчивого знакомого Нина Николаевна бежала, как черт от ладана.

Едва Сухарев завершил свою тираду, как дверь кабинета отворилась и на пороге возник Валера Ратников. Его лицо было пасмурным и даже слегка суровым.

– Неприятности, – коротко сообщил он с порога.

– У кого? – хором спросили все.

– У нас, у кого же еще. Сочувствую, Дима, но хуже всех придется тебе.

– А чего так? – Дима встал, растерянно приглаживая волосы.

– Ты вчера следил за Жанной Гладышевой?

– Да. Вернее, не совсем за ней, за ее ухажером.

– Неважно, – поморщился Ратников.

– Так что там с девушкой?

Ратников вздохнул и, моргнув, сказал:

– Девушку вчера убили. Рано утром водитель трейлера нашел ее в кювете. Какой-то подонек свернул ей шею.

* * *

Во взгляде следователя по фамилии Яркий угнездилось стойкое неприятие мира. С кислой миной он глядел на Вадима Хабарова, пока тот лихорадочно прикуривал, потом жадно затягивался и после короткого мощного выдоха резко разгонял островок дыма ладонью. Яркому не нравились мужики, от которых исходила внутренняя сила, они были серьезными противниками и никогда не откровенничали. Этот к тому же был еще и фактурным. Есть типы, глаза которых ничего не обещают женщинам, а те просто с ума сходят от одного их взгляда. Яркий вспомнил, что один коллега недавно назвал его предвзятым, и попробовал быть объективным. Хабарову на роду было написано стать дамским любимцем. Высокий и крепко сбитый, теплые глаза, ленца в движениях. Вероятно, в обычной жизни он ведет себя как победитель. Но только не сейчас.

– Бред, просто бред, – повторял Вадим как заведенный. – Я ума не приложу, как могло получиться, что меня заподозрили в интимной связи с Жанной. Мы с Ольгой собирались пожениться, я на Жанну смотрел как на родственницу.

– Это, положим, вы загнули, – покачал головой следователь. – Ольга Гладышева сообщила, что буквально накануне вы забрали из квартиры свои вещи. Значит, жениться не собирались. А с ее сестрой всегда держали дистанцию. По крайней мере, на людях. Какие же тут родственные отношения?

– И наедине я тоже держал с ней дистанцию, – оскорбленно добавил Вадим. Глаза его от волнения и возмущения стали круглыми и светлыми. – Этот медальон я вижу в первый раз. И меня точно так же, как и вас, удивляет, зачем Жанна искромсала снимок.

– Да меня-то, положим, не удивляет.

– Но это никакие не улики, а так – девичьи глупости! Я, честное слово, потрясен. Даже не знаю, что сказать. Может быть, Жанна была тайно влюблена в меня? Тайно, понимаете?

– Сейчас мы пригласим сюда одного человека. Дмитрия Скороходова.

– Я его не знаю.

– Конечно, не знаете. Но вам будет интересно его послушать.

– Черт знает что, – криво ухмыльнулся Вадим. – Это очная ставка?

– Можно сказать и так.

Следователь Яркий все же надеялся, что ему рано или поздно удастся сломать Хабарова. Он первый в списке подозреваемых – с хорошим мотивом, с крепкими косвенными уликами. И как нервничает!

Возникший на пороге Дима производил впечатление гораздо более жалкое, чем подозреваемый. Все произошедшее погрузило его в прострацию – вялыми руками он то и дело поправлял воротник рубашки, не сразу осознавал обращенные к нему вопросы и отвечал медленно и с довольно глупой улыбкой, не подходящей ни к случаю, ни к обстановке. Он рассказал, как Ольга приходила в агентство и как он на следующий день отправился следить за ее сводной сестрой.

– Посмотрите внимательно на этого человека и скажите – это с ним, – следователь небрежно кивнул на Вадима, – Жанна Гладышева встретила после занятий в университете?

– Я не могу утверждать, – пожал плечами Дима, мазнув взглядом по его напрягшемуся лицу. – Тот парень был в зеркальных очках. В больших очках с затемненными стеклами, такими капельками, знаете? Они скрывают даже скулы. И еще на нем была каскетка. Ни волос, ни лба рассмотреть невозможно. Зато я могу описать, как он был одет.

– Опишите.

– Во-первых, кремовые брюки, нет, скорее, кофе с молоком. Замшевая куртка, светлая, справа карман на молнии, над карманом вышивка или аппликация, не знаю: несколько букв, написанных прописью...

Вадим выпрямился на стуле. Взгляд его сделался тревожным.

– Еще на нем была белая водолазка и такие ботинки... знаете... – Дима бросил взгляд на ноги Вадима и радостно добавил: – Вот такие! То есть, наверное, эти самые ботинки.

– Надеюсь, вы это не всерьез? – каменея лицом, бросил Вадим. – Вы действительно описали одежду, похожую на ту, какая есть у меня. И тем не менее это был не я.

– А кто? – тут же спросил Дима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.